Поскольку Абраксус не вернулся в подземелья накануне, Арктур предположил, что полученные им травмы позволили ему провести ночь в больничном крыле, но, увидев бледного мальчика, выходящего из своей комнаты, как он обычно делал, хотя, конечно, не так самодовольно, поставил на паузу эти мысли.

Он не выглядел счастливым. Во всяком случае, его бледная кожа и довольно сдержанное поведение только вызывали вопросы.

Арктур знал, что лорд Малфой был в замке вчера, но что случилось, чтобы Абраксус не вернулся, чтобы позлорадствовать перед своими соседями по дому по поводу наказания Эванса? Почему он не пришел петь дифирамбы превосходству своего отца?

"Абраксус!" Паркинсон поприветствовал его, поморщившись, когда он встал со своего места у камина.

Арктур боролся с желанием ухмыльнуться над дискомфортом мальчиков и притворился, что читает свой учебник по зельеварению.

"Итак, что случилось? Его исключили?" - спросил Стеббинс.

Абраксус покачал головой, и те, кто глупо следовал его примеру, застонали, как избалованные дети, которыми они и были.

"Тогда мы сами вернем его обратно!" - громко заявил Булстроуд.

"Нет", - резко сказал Абраксус, прерывая радостные возгласы своих соседей по дому. "Эванс неприкасаем".

Арктур теперь внимательно слушал.

"Почему он неприкасаем?" - потребовал Паркинсон.

"Потому что дядя Эванса - Николас Фламель", - фыркнул Абраксус.

Арктур нахмурился, когда остальные лакеи Малфоя тупо уставились на блондинку.

"Фламель?" - спросил Паркинсон. "Ты уверен в этом?"

Абраксус кивнул.

"Он и его жена прибыли в офис Диппета, когда я был там со своим отцом. Он ясно дал понять, что Эванс - его племянник и что он больше не потерпит никаких покушений на него".

"И ты собираешься слушать этого старого козла?" Булстроуд фыркнул.

Абраксус зарычал, схватив более крупного мальчика за перед мантии и притянув его достаточно близко, чтобы их носы почти соприкоснулись.

"Если Фламель может запугать моего отца теми знаниями, которые у него есть, как ты думаешь, что он сделает с твоим?" он сплюнул. "Эванс неприкасаем. Я не буду рисковать своим семейным наследием ради него. Золото могущественно, Булстроуд, но истинная сила - в знании. Даже самые богатые не могут скрывать свои секреты от кого-то вроде Фламеля. Он создал кровавый камень, который будет поддерживать его жизнь вечно, и он знает вещи, которых не знает ни один другой живой человек. Ты хочешь рискнуть и пойти против этого?"

Паркинсон рассмеялся, когда Малфой оттолкнул Булстроуда.

"Если бы ваша семья не хранила так много секретов, вы бы не оказались в таком положении", - отметил он. "Я не позволю Эвансу сойти с рук за то, что он сделал со мной".

"Я тоже", - проворчал Булстроуд, и Арктур мог только покачать головой от того, насколько глупы были его соседи по дому.

Было бы неразумно выступать против Фламеля. Этот человек был живой легендой с более чем шестивековым опытом.

Только дурак мог нажить себе врага в его лице.

"Я не говорю, что мы должны прекратить то, что мы делаем, - снова заговорил Абраксус, - просто Эванс должен быть отстранен от этого. На данный момент, по крайней мере."

И в мальчике был политик.

Арктур ничего не сказал, чтобы подавить нелепые взгляды осознания, которые теперь носили другие слизеринцы.

Эванс был в безопасности, но остальные гриффиндорцы - нет.

Арктур подозревал, что новое пополнение в доме львов было всего лишь козлом отпущения для Малфоя, желающего возобновить вражду между старейшими врагами Хогвартса, и теперь у него было доказательство.

Еще раз, ему нужно будет поговорить с Поттером, чтобы сообщить ему о последних событиях, хмурый взгляд, который он бросил на своих коллег, красноречиво говорил о раздражении, которое он испытывал по отношению к ним, когда они выходили из подземелий.

"Эванс - это Фламель?" - прошептала Дорея рядом с ним.

"По-видимому, да", - задумчиво ответил Арктур. "Это делает его едва ли не самым влиятельным человеком в этом замке".

"Даже больше, чем ты?" - весело спросила Дорея.

Арктур кивнул.

"Наша фамилия является синонимом многих вещей в Британии, наша репутация выкована благодаря политике и магии, которую мы, как известно, практикуем", - объяснил он. "Репутация Фламелей известна во всем магическом мире на протяжении шести столетий благодаря их мастерству во многих областях. По сути, Гарри Эванс обладает всем этим мастерством и всеми этими знаниями в своем распоряжении. Только подумайте, какие магические знания накопила семья."

"Похоже, это плохой человек, с которым можно быть не на той стороне", - заметила Дорея.

"Да, - согласился Арктур, - и это правильный человек, с которым можно быть в хороших отношениях".

"Даже если он полукровка?"

Арктур фыркнул.

"Эванс мог бы быть грязнокровкой-сквибом, родственником Фламелей, и с ним стоило бы быть в хороших отношениях. Просто так получилось, что он не такой и уже доказывает, что он настоящий волшебник."

Дорея кивнула.

"Что случилось вчера?" - прошептала она. "Я пытался подслушать их вчера, но они почти ничего не сказали. Они просто дулись, пока не легли спать".

"Эванс вытер пол со Стеббинсом, Паркинсоном и Малфоем один за другим", - объяснил Арктур с усмешкой. "Он не сутулится, Дорея. Это просто сделает его более желанным для всех".

"А как насчет Гриндельвальда?"

Арктур нахмурился, услышав этот вопрос.

"Я полагаю, что могло бы", - неуверенно пробормотал он.

"Тогда, если отец..."

Арктур поднял руку, чтобы заставить девушку замолчать.

"Я не встану на сторону Гриндельвальда", - заверил он ее. "Волшебная Британия не встанет на его сторону, даже если это сделает отец".

"Как ты можешь быть уверен?"

"Потому что я сделаю все необходимое, чтобы предотвратить это. В тот день, когда мы похоронили ее, я пообещал матери, что буду беречь тебя. Если Гриндельвальд доберется сюда, я, возможно, не смогу его сохранить."

Дорея грустно улыбнулась ему.

"Мне жаль", - сказала она.

"За что?"

"За то, что усложнил тебе жизнь".

Арктур решительно покачал головой, взяв сестру за руку.

"Ты никогда не усложнял мою жизнь. Сейчас это делает отец, но я не отступлю от своего обещания. Несмотря ни на что, я буду охранять тебя".

"Я знаю", - с благодарностью ответила Дорея, "но если ты собираешься это сделать, разве тебе не следует завтракать?"

Арктур ухмыльнулся своей сестре.

"Да, мама", - вздохнул он, получив равнодушный взгляд и шлепок по руке от девушки, прежде чем она вывела их из общей комнаты.

***

То, что Фламели пришли к его помощнику, было неожиданным поворотом событий. Гарри был готов иметь дело с любыми последствиями, которые лорд Малфой, возможно, пытался наложить на него, но это оказалось ненужным. Это даже был он, который получил извинения, хотя и произнесенные неохотно и бессмысленно.

Эта мысль заставила его усмехнуться про себя.

"Итак, ты собираешься рассказать нам, что произошло вчера?" - спросил Чарлюс.

Веселье, которое Гарри испытывал, почти исчезло при этом вопросе.

Как он мог это объяснить? Рассердятся ли его друзья на то, что он не упомянул о своих отношениях с Фламелями?

"Мне самому интересно это услышать", - вмешался Тибериус, ничуть не ослабевший после вчерашней дуэли с Фрэнком. "Малфой-старший сделал бы все, что мог, чтобы тебя выгнали".

"Он это сделал, - подтвердил Гарри, - но, как объяснил Диппет, у него нет никакого права голоса по поводу того, что здесь происходит".

"И он просто принял это?" - настаивал Чарлюс.

"Не совсем", - неловко ответил Гарри. "Приехали мои дядя и тетя".

Чарлюс вопросительно нахмурился, жестом предлагая ему продолжать, и Гарри глубоко вздохнул, понимая, что больше нельзя избегать этой темы.

Малфой, безусловно, рассказал бы своим соседям по дому о том, что произошло, хотя бы для того, чтобы хоть как-то сохранить лицо из-за отсутствия влияния его отца, когда дело доходило до общения с Николасом и Перенель.

"Мой дядя сказал ему отвалить", - продолжил он.

"Черт возьми", - рассмеялся Тиберий. "У твоего дяди либо пара медных, либо он Мерлин".

"Может быть, он сумасшедший?" Вмешалась Августа.

"Он определенно такой", - весело фыркнул Гарри.

"Итак, кто он такой?" - настаивала Августа. "Ты бы сейчас не сидел здесь и не завтракал с нами, если бы ему это не сошло с рук".

Именно в этот момент старшие ученики Слизерина решили войти в Большой зал, каждый из них смотрел на него со смесью отвращения и опасения.

Малфой определенно раскрыл правду об этом деле.

"Мой дядя - Николас Фламель", - объяснил Гарри, не желая, чтобы его друзья услышали эту информацию от кого-либо другого.

За его заявлением последовала тишина, в то время как его соседи по дому несколько мгновений таращились на него, разинув рты.

"Фламель?" Тиберий поперхнулся. "Как у старикашки, который сделал философский камень? Потяни за другой, Гарри."

"Твой дядя Николас", - прошептал Чарлюс. "Ты ходил навестить его в День подарков."

Гарри кивнул.

- Черт возьми, - пробормотал Чарлюс. "Я могу понять, почему ты держишь это при себе. Все будут выстраиваться в очередь, чтобы поцеловать тебя в задницу".

"Ты имеешь в виду, что он говорит правду?"

"Это было бы большой ложью, - фыркнула Августа. "Я полагаю, вы держали это при себе, чтобы избежать всего этого", - добавила она, указывая на других ошарашенных гриффиндорцев. "Я не виню тебя, но ты все еще придурок".

"Спасибо", - сухо ответил Гарри.

"Для меня это ничего не меняет", - пропищала Поппи. "Августа права, ты все тот же придурок".

"Кто-нибудь еще хочет назвать меня придурком?"

"Определенно придурок", - ответил Огден, подмигнув.

"У всех нас есть свои секреты", - просто сказал Чарлюс, и Гарри облегченно вздохнул, когда обратил свое внимание на Минерву, которая одарила его улыбкой.

"Давай", - настаивал Тиберий. "Сначала у нас зелья, а в субботу с нетерпением ждем матча по квиддичу".

Чарлюс и Гарри одновременно застонали.

Слагхорн был великим профессором, но он не смог привить ни одному из них никакой страсти к предмету.

Дважды в неделю в течение двух часов они разбирались в своих приготовлениях, иногда получая что-то сносное, а иногда нечто, напоминающее лужицу ила на дне их котлов.

Тем не менее, Гарри проводил время с членом своей семьи, который, очевидно, был таким же унылым, как и он, в этом вопросе, так что он не собирался слишком сильно жаловаться.

"Почему сезон квиддича начинается здесь так поздно в этом году?" - спросил он Минерву.

"Там, откуда ты пришел, было по-другому?" - тихо спросила она.

Гарри кивнул.

"Это началось в октябре".

Минерва просто пожала плечами.

"Может быть, потому, что погода немного улучшилась после Рождества", - задумчиво ответила она. "На протяжении многих лет поступало несколько обращений с просьбой изменить его, чтобы отразить национальную лигу, чтобы любой студент, который думает о профессиональной

игре, мог привыкнуть к условиям".

"В этом есть смысл", - размышлял Гарри вслух. "Ты нервничаешь?"

Минерва покачала головой.

"Конечно, это не так", - вмешался Тибериус, обнимая Гарри за плечи. "Я думаю, Минни с нетерпением ждет возможности увидеть, как хорошо она справится с твоей метлой, Эванс".

Минерва зарычала и вытащила палочку, но Тиберий уже убегал, громко смеясь, когда его преследовал раздраженный шотландец.

Гарри мог только покачать головой.

Независимо от того, сколько раз Огдена проклинали или сглазили, он никогда не научится держать рот на замке.

Может быть, он был идиотом?

Гарри покачал головой.

Нет, Тибериус Огден был просто обожателем наказаний.

***

"Лорд Блэк!" - с энтузиазмом приветствовал его мужчина.

Орион нахмурился, вглядываясь в это странное, почти неземное существо, когда тот приблизился.

Гриндельвальд был самым бледным человеком, которого он когда-либо видел, его белые волосы были лишь немного тусклее кожи, а глаза такого ярко-голубого цвета, что сами казались почти белыми.

Он был похож на привидение, и Ориону захотелось протянуть руку и дотронуться до него, просто чтобы убедиться, что это не так.

"Вы просили моего присутствия?" он спросил. "Мне не нравится покидать свою страну и уж точно не приезжать в такую дыру, как Германия".

Гриндельвальда не смутило его ворчание, зубастая ухмылка на его лице не дрогнула.

"Поверьте мне, это тоже не мое любимое место", - ответил он, усаживаясь на противоположной стороне большого стеклянного стола и наливая себе щедрую порцию чая. "Германия просто предлагает мне место, где я могу работать, не беспокоясь. Мое сердце очень сильно принадлежит Англии", - добавил он, положив руку себе на грудь.

Орион хмыкнул, до сих пор не впечатленный этим человеком.

"Где мой сын?" - потребовал он.

Улыбка его напарника оставалась такой же яркой, как всегда.

"Персей скоро присоединится к нам. Он выполняет важное поручение."

Орион насмешливо фыркнул.

"От наследника величайшего дома в стране до мальчика на побегушках. Мой он сделал что-то из себя".

"Нет, нет, нет", - ответил Гриндельвальд, разочарованно покачав головой. "Персей гораздо больше, чем мальчик на побегушках, лорд Блэк. Он один из моих самых надежных и ценных сторонников. Возможно, мне следовало более тщательно подбирать слова. Он выполняет очень важную задачу от моего имени".

"А моя дочь?"

"Ах, теперь Кассиопея в настоящее время ведет бизнес в Румынии, самое важное предприятие, которое я бы доверил только ей", - объяснил Гриндельвальд. "Ваши сын и дочь - ваша заслуга, лорд Блэк, и я могу заверить, что они пользуются высочайшим уважением среди моих последователей, и к ним относятся с величайшим уважением".

Орион одобрительно кивнул.

"Я бы не ожидал ничего меньшего", - ответил он.

Улыбка, подаренная ему, была теплой и приветливой.

Ориону это не понравилось, но мужчина, казалось, был искренен в своих словах.

"И как же это я могу служить вам?" - спросил он. "Это то, чего ты хочешь, не так ли? Чтобы я стал одним из тех, кто упадет перед тобой на колени".

Гриндельвальд от души рассмеялся, прежде чем покачать головой.

"Лорд Блэк, я думаю, что вы неправильно понимаете мои намерения. Вы слышали довольно нелестные слухи обо мне? Или, может быть, вы читали ложь, напечатанную в мировых средствах массовой информации?"

Орион раздраженно нахмурился на мужчину.

Ему не нравилось, когда с ним разговаривали таким снисходительным тоном, но этот странно бледный человек продолжил, прежде чем он смог возразить.

"Это те, кто хочет заставить вас поверить, что я хочу подчинить себе собрание людей, чтобы я мог захватить власть, что я могу претендовать на власть, которая мне не принадлежит. Они ошибаются, лорд Блэк. Я никого не хочу подчинять. Я хочу освободить их".

"Освободить их?" - скептически спросил Орион.

"Конечно", - ответил Гриндельвальд. "Я представляю себе мир, который принадлежит нашему виду, лорд Блэк, мир, где нам не нужно прятаться от тех, кто не разделяет наши способности, мир, где они обращаются к нам за советом, как к тем, кто лучше их".

"Ты имеешь в виду подчинить магглов?"

"Мне нравится думать об этом как о том, что те, у кого есть магия, опекают тех, у кого ее нет, ради общего блага".

"Ради высшего блага?"

Гриндельвальд кивнул.

"Разве ты не видишь, какой ущерб они наносят нашему миру? Войны, боевые действия? Необратимый ущерб уже нанесен, и следующая война, которую они начнут, будет самой ужасной из всех. У них нет магии, но их собственное оружие разрушительно. Чем дольше они будут предоставлены самим себе, тем серьезнее будет ущерб. Может быть, демонстрации будет достаточно?"

Орион жестом попросил мужчину продолжать, по общему признанию, заинтригованный тем, что он говорил.

Он наблюдал, как перед ним разыгрывается множество образов, проецируемых с кончика палочки, такой же бледной, как кожа ее владельца.

Странные, огромные транспортные средства выпускали то, что он сравнил бы с мощными взрывными проклятиями, магловские самолеты, подобные тем, что начали появляться над площадью Гриммо в последние годы, сбрасывая конструкции, которые при попадании на землю наносили равный ущерб, уничтожая все в непосредственной близости.

Когда изображения исчезли, Орион обнаружил, что он наклонился вперед в своем кресле, его голова тряслась.

"Это реально?"

"Такая же реальная, как магия, которой мы сами были одарены", - сурово ответил Гриндельвальд, его обычная улыбка теперь отсутствовала.

"Что это такое?" Орион спросил: "Эти большие металлические штуки".

"Магглы называют их танками. Это большие транспортные средства, внутри которых могут прятаться сразу несколько человек и стрелять снарядами, которые вы видели. Они весьма тревожны. Десятилетиями магглы разрабатывали их."

Орион усмехнулся.

"Даже в этом случае они нам не ровня".

"По большей части вы правы, - согласился Гриндельвальд, - но они принадлежат миру, который мы разделяем с ними. Их методы ведения войны должны быть прекращены".

"Итак, ты хочешь чего? Поработить их?"

Гриндельвальд покачал головой.

"Ничего подобного. Я просто хочу, чтобы они знали о нас, чтобы мы могли найти способ жить гармонично друг с другом, не имея причин прятаться от них".

"И это все?"

"В самом простом из объяснений".

Орион нахмурился, еще один вопрос вертелся у него на кончике языка, хотя так и не

прозвучал.

Он был отвлечен тем, что открылась дверь и в комнату вошел его старший сын, его поза была полна гордости, когда отец посмотрел на него.

"Персей!" Орион поприветствовал его, встав и притянув мужчину в свои объятия. "Я думал..."

"Я в порядке, отец", - заверил его Персей. "Я здоров и поддерживаю достойное дело. Вы понимаете, с чем мы столкнулись?"

Орион кивнул.

"Мистер Гриндельвальд совершенно ясно дал это понять", - ответил Орион, его сомнения рассеялись с приходом его мальчика.

"Тогда вы понимаете, почему я здесь. Насилие среди магглов приближается, отец, и мы должны быть готовы предотвратить."

"Как ты это сделаешь?"

"Боюсь, что мы не можем", - печально вмешался Гриндельвальд. "Магглы уже находятся на пороге войны между собой, войны, подобной которой мир когда-либо видел. По большей части мои усилия не увенчались успехом, но надежда все еще есть".

"Все еще надеешься?" - спросил Орион.

Гриндельвальд кивнул.

"Что мы можем склонить войну в пользу одной стороны, чтобы гарантировать быстрое прекращение конфликта с минимальными последствиями".

Орион покачал головой.

"Вы не можете вмешиваться в дела магглов", - указал он. "Международный статут о секретности..."

"Это ничего не будет значить, если мы этого не сделаем", - вмешался Персей. "Эта война произойдет независимо от того, что мы делаем. Лучшее, на что мы можем надеяться, - это на то, что это не затянется дольше, чем необходимо".

Орион еще раз покачал головой.

"Нет, ICW, министерства всех вовлеченных стран этого не допустят", - пробормотал он. "Это вызовет международный инцидент".

"С этим я буду хорошо подготовлен, чтобы справиться", - заверил его Гриндельвальд. "Война надвигается, лорд Блэк, и хотя я хотел бы, чтобы это было не так, теперь она неизбежна. Я готов сражаться и умереть за свое дело, как и те, кто понимает, насколько важно наше движение. Вопрос, который я задаю вам, заключается в том, что, увидев то, что у вас есть, вы позволите магглам уничтожить наш мир? Разве вы не думаете, что наш долг - защитить его от них?"

Пристальный взгляд мужчины прожигал его, и Орион мог видеть только эти устрашающе голубые глаза, полные страсти, и его слова, полные решимости, даже правды.

Он видел, что должно было произойти. Это не устраивало его, и если магглы или министерство не будут действовать, чтобы предотвратить это, то кто-то должен был это сделать.

Оказалось, что этот человек взял это на себя, чтобы сделать это.

Он может и не доверять этому Гриндельвальду, но он доверял своему сыну.

Персей был его крови.

Зачем ему лгать ему?

***

Это было унылое субботнее утро, когда Гарри обнаружил, что стоит на трибунах Гриффиндора вместе с Тибериусом, Поппи и Августой на первом матче сезона по квиддичу.

Сегодня их противниками были Хаффлпаффцы, еще одно изменение в расписании, к которому Гарри привык со своего первого года в Хогвартсе. Обычно играли Слизерин и Гриффиндор, хотя это должно было произойти еще в октябре.

Это мало что меняло, особенно в том, что касалось погоды. Было так же пасмурно и ветрено, как и в начале учебного года.

"Минни действительно взволнована возможностью испытать свою метлу в настоящем поединке", - объявила Поппи.

"И Чарлюс беспокоится, что не сможет за ней угнаться", - усмехнулся Тиберий.

"Его метла не намного медленнее, чем у нее", - отметил Гарри. "С ним все будет в порядке, пока он остается снаружи от нее, это охотники за Хаффлпаффом должны беспокоиться. Она будет летать кольцами вокруг них".

"О, и когда ты стал экспертом по квиддичу?" - многозначительно спросил Тиберий.

"Примерно в то же время, когда ты стал одним из них в общении с девушками".

Августа и Поппи засмеялись, в то время как Огден, прищурившись, посмотрел на Гарри.

"Справедливое замечание", - признал он с ворчанием.

"Тсс, они идут", - объявила Поппи, кивая в сторону туннеля, из которого выходили команды.

Минерва вырвалась вперед остальных игроков, что показалось Гарри странным, поскольку метлы, к которым он привык, были значительно быстрее. Даже школьные с загнутыми ушами были такими.

Тем не менее, он с нетерпением ждал матча по квиддичу. Первым и единственным был финал Кубка мира перед четвертым годом, хотя этот оказался удручающе медленным по сравнению с предыдущим.

С самого начала гриффиндорские охотники: Минерва, Чарлюс и семикурсник, который общался с Маклаггеном, доминировали в своей части игры.

Поскольку охотники за Хаффлпаффом не смогли угнаться за первым из трио, они вырвались

вперед на пятьдесят очков до нуля, прежде чем ловец Гриффиндора заметил Снитч.

Он этого не уловил.

Противостоящий Хаффлпафф сумел вмешаться прежде, чем Джайлс Блэкберн смог сократить расстояние между собой и маленьким золотым мячом, вызвав стон у тех, кто был одет в красное и золотое.

"Блэкберну нужно взлететь выше", - вздохнул Гарри. "Ловец из Хаффлпаффа сильнее его. Ему нужно превзойти его."

Огден поднял бровь, но ничего не сказал, и Гарри снова обратил свое внимание на удручающе скучную игру, где гриффиндорские преследователи продолжали набирать форму.

После еще одного часа игры они были на 120 очков впереди, хотя не было никаких признаков того, что игра скоро закончится.

Блэкберн еще дважды замечал снитч, но был сбит с пути ловцом из Хаффлпаффа, как и ожидал Гарри.

Если бы он не смог поймать его, а другой мальчик поймал, работа охотников была бы напрасной.

"Черт возьми, он всегда такой бесполезный?"

"А ты можешь сделать лучше?" - спросил Тиберий.

"Определенно", - пробормотал Гарри достаточно тихо, чтобы его комментарий остался неуслышанным.

"Он не так уж плох", - защищался Огден. "Он обычно ловит это в конце".

"Он должен был поймать его почти час назад", - ответил Гарри. "Он не выиграет так, как собирается".

Огден рассмеялся.

"Я не знал, что ты такой большой фанат квиддича".

Гарри пожал плечами.

"Я не возражаю против этого".

Он этого не сделал, но он чувствовал себя все меньшим фанатом просто из-за темпа игры. Для него квиддич всегда был безумным и неотложным видом спорта, где, если ты даже моргнешь не вовремя, игра может быть проиграна.

На такой скорости это не представляло никакой опасности, и он обнаружил, что наблюдение, не говоря уже об игре, ему мало нравилось.

"Разве она не выглядит фантастически на своей метле?" Поппи ворвалась в его мысли. "Она выглядит действительно счастливой".

Гарри обратил свое внимание на Минерву, ее улыбка оказалась заразительной, когда его

собственные губы изогнулись в одну.

"Так и есть", - согласился он, не заметив взгляда, которым обменялись Августа и Поппи. "О, он снова это увидел. Если он пропустит это, тогда я собираюсь разбить здесь палатку, потому что он никогда этого не поймает".

Тибериус забавно покачал головой, и, к большому облегчению Гарри, Блэкберн действительно поймал снитч, рев толпы заглушил его вздох облегчения.

Это был болезненный и разочаровывающий опыт, кульминацией матча было то, насколько хорошо сыграли три гриффиндорских охотника, но он почувствовал себя лучше, увидев Минерву, мчащуюся к ним с метлой в руке и лучезарно улыбающуюся.

К его большому удивлению, она обняла его и поцеловала в щеку.

"Спасибо", - взволнованно сказала она. "Эта метла великолепна".

Гарри мог только ошеломленно наблюдать, как она почти вприпрыжку направилась к раздевалкам.

"Похоже, у Минни появился новый любимый человек", - фыркнул Огден. "Я думаю, ты сделал ей год с этим подарком".

Она это заслужила.

Она хранила обременительную тайну, и хотя она не говорила об этом, Гарри знал, что это часто тяжело давило на девушку, которая, вероятно, хотела задать ему вопросы, на которые он обещал не отвечать.

Не то чтобы он этого не хотел.

Насколько он знал, Минерва МакГонагалл продолжала жить полноценной жизнью, в которой она помогла бесчисленному количеству детей на протяжении нескольких десятилетий, и он не хотел, чтобы что-либо из того, что он сказал, изменило это.

Она была рождена, чтобы стать профессором, и он увидит, как она сделает это снова.

"Давай, Эванс. Перестань пялиться на нее и пошевели своей задницей. Она скоро будет в общей комнате, чтобы отпраздновать."

Гарри хмуро посмотрел на Тиберия, когда тот последовал за ним.

Казалось, что мальчик неправильно понял, хотя Гарри не мог поправить его относительно того, почему он так пялился.

Покачав головой, он проигнорировал комментарий.

Огден никогда не смог бы понять, из-за чего они с шотландцем сблизились, ну, по крайней мере, не по главной причине.

За те месяцы, что он знал ее, их многое сблизило.